

О.А. Жукова

СВОБОДА, ТВОРЧЕСТВО, ДУХ: АЛЬТЕРНАТИВНАЯ МЕТАФИЗИКА Н.А. БЕРДЯЕВА*

Жукова Ольга Анатольевна – доктор философских наук, профессор Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4; e-mail: logoscultura@yandex.ru

Уникальной чертой философии Н.А. Бердяева является монотематическая связность его идей и концепций. Эта особенность обеспечена постоянно повторяющимися и вариативно развивающимися темами свободы и творчества, манифестированными в работах дореволюционного периода и получившими концептуальную религиозно-философскую разработку в эсхатологической метафизике духа. Борьба за «метафизический идеализм» стала главным делом его жизни, понимаемой как выражение творчества духа – духовного подвига личности. Вопрос о свободе как онтологическом основании был поставлен Бердяевым радикально, приведя к трансформации философской системы идеализма. С одной стороны, Бердяев оправдывает автономию творческого духа человека, с другой, трактует все события жизни в эсхатологической перспективе, что делает его философский проект парадоксальным как в своих теоретических положениях, так и в способах их представления и аргументации. С нашей точки зрения, итоговая формула религиозной философии Бердяева, определяемая мыслителем как эсхатологическая метафизика, с полным основанием может быть названа альтернативной существующим философским системам. В статье ставится вопрос о том, *что* Бердяев вносит в историю метафизики, а также в чем особенности его идеализма, претендующего при всей субъективной радикализации и теоретической противоречивости на целостность и системность философской программы.

Ключевые слова: Бердяев, дух, творчество, свобода, метафизика, идеализм, эсхатология, парадокс, пневматология

Для цитирования: Жукова О.А. Свобода, творчество, дух: альтернативная метафизика Н.А. Бердяева // Философский журнал / Philosophy Journal. 2024. Т. 17. № 2. С. 21–36.

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Мыслитель, писатель, теософ, теолог: Бердяев между практикой самоописания и историко-философскими интерпретациями

Для России и Запада Николай Бердяев стал едва ли не символом русской мысли – харизматичным выразителем ее духовно-национальной специфики¹. В эмиграции, благословленный старцем Алексеем Мечёвым², Бердяев в активном диалоге с европейскими интеллектуалами представлял и защищал русскую мысль³. Но прижизненная известность Бердяева как публициста и философа не спасала его от чувства творческого одиночества. Не без основания он считал, что его философия остается нераспознанной. «Меня всегда плохо понимали», – неоднократно повторял Бердяев⁴. Следы этого «непонимания», тревожившие Бердяева, составляют трудность и для современных исследователей. И если историко-архивное направление поступательно движется в освоении наследия⁵, то «толковое» бердяеведение, скорее, представляет собой собрание интерпретаций наиболее значимых идей или отдельных концептуальных решений философа⁶. Исследовательский дискурс в значительной степени фрагментирован, что в отсутствие целостного понимания философского проекта Бердяева не позволяет оценить новизну его открытий⁷. А именно этот аспект более всего кажется проблемным. Ситуацию усложняет множество самоопределений «философского мирозерцания» – ярких метафорических выражений Бердяева в адрес своей мыслительной практики с указанием на ее экзистенциальный модус и центрированность на проблеме «свободы, творчества, личности, духа и истории», дуализме свободы и детерминации, духа и природы⁸. Бердяев также признает, что ему не всегда удается перевести на язык современной фило-

¹ Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Т. 2. Ч. 2. Л., 1991. С. 62–63; Лосский Н.О. История русской философии. М., 2011. С. 309. См. также: Seaver G. Nikolai Berdyaev: An Introduction to his Thought. London, 1950; Nucho F.N. Berdyaev's philosophy: The existential paradox of freedom and necessity. London, 1967; Slaatte H.A. Personality, spirit, and ethics: The ethics of Nicholas Berdyaev. New York, 1997.

² Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 375.

³ Немаловажно и то, что свою философию Бердяев рассматривал в общем контексте ведущих европейских интеллектуальных течений. См.: Мотрошилова Н.В. Николай Бердяев: Философия жизни как философия духа и западная мысль XX века // Историко-философский ежегодник' 2001. М., 2003. С. 249–263.

⁴ Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики: Творчество и объективация. Париж, 1947. С. 5.

⁵ Шедрина Т.Г. Предисловие. «Светлый» персонализм Николая Бердяева: эпистолярный как «архив эпохи» // Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы. М., 2023. С. 7.

⁶ См.: Силантьева М.В. Экзистенциальная диалектика Н. Бердяева как метод современной философии. М., 2004; Пэттисон Дж. Эсхатология и онтология: Хайдеггер и Бердяев // Николай Александрович Бердяев. М., 2013. С. 405–424; Жукова О.А. Парадоксы религиозного сознания: Лев Толстой в философской критике Николая Бердяева // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 53–63; Киселева М.С. «Я» и история в философии Николая Бердяева // Вопросы философии. 2021. № 11. С. 88–99; Bodea R.-O. Nikolai Berdyaev's Dialectics of Freedom: In Search for Spiritual Freedom // Open Theology. 2019. No. 5. P. 299–308.

⁷ Важным показателем является также отсутствие работы по сборанию и научному комментированию полного собрания сочинений и писем Н.А. Бердяева.

⁸ Бердяев Н.А. Мое философское мирозерцание // Н.А. Бердяев: pro et contra. Антология. Кн. I. СПб., 1994. С. 21.

софской культуры внутренний опыт своей «персоналистической философии», что воспринимается другими как «противоречивость мысли во времени»⁹.

Позиционируя свою философию, Бердяев явно стремится построить *альтернативную* программу на новых концептуальных началах. При этом опирается он преимущественно на традицию европейского идеализма. Она становится объектом его постоянной критики для утверждения «своей» философии, которую в разных контекстах он определяет как христианскую¹⁰. Рефлексируя по поводу особенностей своего философского опыта, Бердяев неоднократно говорит как о радикальности своих воззрений и идей, так и о специфической манере их изложения¹¹. На наш взгляд, именно в этой точке возникает основная *проблемная зона* в изучении и осмыслении творчества философа как целостного интеллектуального и культурного явления. Она заключается в концептуальном и языковом *зазоре* между практикой философской самопрезентации и самоописания Бердяева, его попытками раскрыть свои исходные интуиции, и позицией читателя-исследователя, осуществляющего оценку и толкование трудов исходя из своего опыта предпонимания философии.

Ситуация конфликта между стратегиями *авторского говорения* и *оценочно-«судящего» чтения* создает зону смыслового непонимания, а иногда и эмоционального отторжения между субъектами потенциального диалога. Показательны два эпизода, которые касаются, с одной стороны, проблемы полярности характеристик творчества мыслителя, с другой – расхождения между внутренней позицией Бердяева как свободного религиозного философа, имеющего право на свободу церковных дискуссий¹², и восприятием современниками религиозного модуса его мысли. В качестве первого примера уместно привести историю номинирования Бердяева на Нобелевскую премию по литературе, на которую он инициативно выдвигался с 1942 по 1948 г. профессором теоретической философии Лундского университета Альфом Ньюманом, поставившим Бердяева в один ряд с Б. Кроче и считавшим, что Бердяев находится среди создавших «нечто выдающееся в идеалистическом <идеальном> направлении» и поэтому полностью соответствует завещанию А. Нобеля¹³. Заслуга Бердяева в том, что он ярко выражает идеалистическое направление от Вл. Соловьева к Достоевскому и Мережковскому, соединяя идеи христианского гуманизма с романтическим идеализмом¹⁴. Более всего Ньюман восхищается стилем Бердяева – остро полемичным, пламенным и метафоричным. По общей оценке Ньюмана, «в современной культурной борьбе Николай Бердяев – одна из самых влиятельных, самых страстных личностей»¹⁵.

На представление Ньюмана последовал резко негативный отзыв профессора-слависта Антона Карлгрена из Университета Копенгагена, редактора

⁹ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995. С. 4.

¹⁰ Бердяев Н.А. Самопознание. С. 176–177.

¹¹ Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. С. 5.

¹² Бердяев Н.А. Существует ли в православии свобода мысли и совести? // Путь. 1939. № 59. С. 46–54.

¹³ Marčenko T. Маргинал: нобелевское дело Н.А. Бердяева в архиве шведской академии // Revue des études slaves. 2016. Vol. 87. No. 3–4. С. 439.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

газеты *Dagens Nyheter*, что стало основанием для отклонения кандидатуры во все годы. Разбирая ряд сочинений Бердяева на 90 страницах, в том числе «Смысл истории» и «Философию свободного духа», Карлгрен не поспешил на откровенно уничижительные оценки, предъявляя претензии к содержанию, драматургии и стилю текстов Бердяева. Эксперт говорит о неверных высказываниях о демократии вперемешку с указанием на хаотичность композиций и ужасный «тавтологичный» стиль: «Писатель способен жевать и пережевывать одно и то же без конца, пока читателя не начинает тошнить...»¹⁶. Наконец, Карлгрен полностью отказывает Бердяеву в способности логично мыслить и связно излагать свои идеи: «Как только мысль приходит ему в голову, он отдается ей; от главного аргумента он уходит все дальше и дальше ради причудливых отступлений и ненужных эскапад...»¹⁷. Заочная битва экспертов показывает эмоционально-ценностный и дискурсивный разрыв в интерпретациях Бердяева со стороны европейских интеллектуалов. Парадоксально то, что на литературно-философский пьедестал Бердяева возносит профессиональный философ, а низвергает с него – филолог-славист, который целенаправленно занят дискредитацией Бердяева и как мыслителя, и как писателя-стилиста.

Второй пример связан с присуждением Бердяеву Университетом Кембриджа в 1947 г. почетного звания «доктора теологии». Приняв его, Бердяев, как могло показаться, согласился с такой оценкой личного вклада в европейскую интеллектуальную традицию. Однако своей исходной идее свободной философии как «философии свободных»¹⁸ он никогда не изменял и продолжал настаивать, что он не теолог, а религиозный философ¹⁹, и что всю свою жизнь он «делал» именно философскую работу. Он был занят не усилением «школьных» аргументов богословия, а пересмотром «основных проблем христианства в свете Духа и Истины»²⁰. Признавая сложные отношения между философией и теологией, Бердяев всегда защищает свободу мнения. Начиная с участия в интеллектуальном движении «нового религиозного сознания», он не изменит своей позиции критика церкви и на разные лады будет обсуждать неосуществление церковью миссии спасения человека, рутинизацию христианской религии в истории, утрату ей духовной пассионарности. Эта критическая аргументация приведет его к противопоставлению «христианству историческому» своего понимания творческого христианства – христианства «эсхатологического»²¹, за метафорой которого скрывается ранняя идея «церкви третьего завета», возникшая в поле дискуссий «нового религиозного сознания»²². По существу в этом – главный посыл творчества Бердяева как христианского мыслителя, побуждающий его к стигматизации церковной ортодоксии, которой он противопоставляет духовное творчество человека как новый опыт спасения во Христе. Его задача – философскими средствами описать открывшуюся

¹⁶ Там же. С. 443.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 12.

¹⁹ «Я себя совсем не чувствую теологом и не хочу им быть», – говорит в письме к С.Л. Франку от 7 февраля 1947 г. Н.А. Бердяев (Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы. М., 2023. С. 157).

²⁰ Бердяев Н.А. Истина и откровение. Прологомены к критике откровения. СПб., 1996. С. 6.

²¹ Бердяев Н.А. Самопознание. С. 174; Он же. Опыт эсхатологической метафизики. С. 6.

²² Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. С. 6.

ему онтологическую взаимосвязь Бога и человека через реальность свободы, творчества и духа с тем, чтобы выйти за пределы ограниченности и философии, и богословия, призванных, по мнению мыслителя, вносить свой вклад в историю спасения. Эта линия является своего рода «*постоянной Бердяева*», присутствуя в его философских построениях с момента, когда он на мировоззренческом уровне «окончательно сделался христианином»²³.

В «Истине и откровении», одной из последних книг, он ставит этот вопрос радикально, говоря о самой возможности критики откровения. Такая постановка вопроса выходит за пределы богословской компетенции и относится, скорее, к области философии религии или философской теологии²⁴. Именно такой опыт *свободного христианского гнозиса* Бердяев, манифестируя свою «*первую*» философию свободы как «философию богочеловечества»²⁵, предлагает как путь преодоления безбожия современного общества. По Бердяеву, современным душам, опаленным трагедией, нужна творческая религиозная мысль, свидетельствующая о свободно обретенной вере, поскольку «на мучения и вопрошания Ницше нет ответа в катехизисах и поучениях старцев, они требуют творческого восполнения в христианстве»²⁶.

«Христианство предполагает дух свободы и свободу духа», «без свободы не смысла мирового процесса», – провозглашает Бердяев²⁷. Свободу же Бердяев приписывает сыновней ипостаси Бога-Троицы: «Источник свободы человека лежит в Боге, но не в Боге-Отце, а в Боге-Сыне... Свобода Сына и есть та свобода, в которой и через которую возможен свободный ответ Богу, свободное обращение к Богу»²⁸. Справедливо утверждать, что посредством философской «ревизии» тринитарного догмата Бердяев пытается в теоцентрическую картину мира ввести *антропный* принцип. Утверждая, что Бог-Сын есть воплощение свободы, он осуществляет антропологический поворот в христианской теологии, настаивая на том, что «святоотеческая антропология не раскрыла до конца христианскую истину о человеке, не сделала из христологического догмата всех выводов в отношении к человеческой природе»²⁹.

С.А. Левицкий небезосновательно указывает на главный пункт подобного пересмотра Бердяевым троического догмата и истории спасения. С его точки зрения, основная трудность заключается в проблеме теодицеи. Обостренное чувство трагичности жизни человека как проявления зла, несвободы и несправедливости – жизненно важный мотив юного Бердяева, подтверждение которого он нашел у Достоевского и Толстого³⁰. Вводя

²³ Письма Н.А. Бердяева к Э.Ф. Голлербаху // *Минувшее: Исторический альманах*. 1993. Вып. 14. С. 408.

²⁴ См.: Антонов К.М. Идея «Критики откровения» в философии религии и философской теологии в позднем творчестве Н.А. Бердяева // *Философия религии: аналитические исследования / Philosophy of Religion: Analytic Researches*. 2019. Т. 3. № 1. С. 58–59; McKinlay B. Revelation in Nicolas Berdyaev's Religious Philosophy // *Open Theology*. 2017. No. 3. P. 117–133.

²⁵ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. С. 13.

²⁶ Бердяев Н.А. Философия свободного духа // *Бердяев Н.А. Философия свободного духа*. М., 1994. С. 15.

²⁷ Там же. С. 89.

²⁸ Там же. С. 99. См.: Евлампиев И.И. Абсолют как свобода: Н. Бердяев // *Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX–XX веках: в 2 т. Т. 1*. СПб., 2000. С. 332–333.

²⁹ Там же. С. 144.

³⁰ Жукова О.А. Творчество и религиозность в русской культуре. Философские исследования. М., 2022. С. 362.

онтологическую дуальность Бога и свободы, Бердяев хочет «снять с Бога ответственность за мировое зло» и, по словам Левицкого, идет «так далеко, что даже отрицает всемогущество Божие ради Его всеблагости»³¹. Это приводит философа к своеобразному гипостазированию свободы как источника добра и зла³². Бердяевское вольное обращение с богословием Св. Троицы, ангажированное его важнейшей идеей-интуицией добытийной свободы, *Unggrund'a*, рискует показаться еретическим и гностическим³³. Результат такой трансформации на уровне онтологии мы могли бы назвать тринитарной *дисфункцией*. Но страстное исповедание своей философии как богочеловеческой, противостоящей дехристианизации современной культуры, спасает христианское самосознание Бердяева.

«Я – философия» как альтернативная метафизика

«Я все переживаю как свой духовный путь», – это экспрессивно-личностное высказывание Бердяева является отправной точкой его опыта философствования³⁴. Речь «от первого лица» – своеобразная «Я – философия» Бердяева возникает как практика описания духовно-интеллектуального опыта в процессе самонаблюдения и осмысления себя как личности, находящейся в сложной взаимосвязи с другим, обществом, с Духовным Абсолютом, открывающим себя в истории. Вторая рефлексивная функция «Я – философии» связана с рецепцией и анализом своей метафизической системы, которая принципиально строится как *иная* – как новый философский «завет» по отношению к «старому». Манифестированные Бердяевым в «Философии свободы» и «Смысле творчества» главные идеи *свободы и творчества*, имеющие для автора характер откровений, в концептуальном плане предельно пластичны. Как представляется, их приближенность к понятию-метафоре отвечала эмоционально-художественному, импульсивно-волновому мышлению Бердяева, освобождала его философскую речь от соблюдения дискурсивной строгости и в силу этого давала ему как автору наиболее точную возможность описания своего первичного переживания мира – *аффекта*. В этом аффекте были слиты одновременно неприятие подавляющей человека косности социального бытия, колоссальная энергия познания и чувство таинственности жизни, где сам человек является частью этой великой *тайны*. Именно эту способность проникновения метафизического разума в тайну бытия Бердяев пытался на протяжении всего творческого пути выразить и представить в виде целостного мировоззрения и *другой* системы философского знания, которую уже в 1904 г. называет «моей философией», что «хочет восстановить ту живую целостность духовного существа человека, при которой он соприкасается “мирам иным”»³⁵. Тезис Бердяева: «Толь-

³¹ Левицкий С.А. Бердяев: пророк или еретик? // Н.А. Бердяев: pro et contra. Антология. Кн. I. СПб., 1994. С. 621.

³² Бердяев Н.А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 414–415.

³³ См.: McLachlan J. Mythology and freedom. Nicholas Berdyaev's uses Jacob Boehme's «un-ground» myth // Philosophy today. 1996. Vol. 40. No. 4. P. 474–485.

³⁴ Бердяев Н.А. Самопознание. С. 169.

³⁵ Письма молодого Бердяева. Публикация Д. Барас // Память. Исторический сборник. 1979–1981. Вып. 4. С. 228.

ко в этой духовной целостности человек встречается и самого себя, и другого человека, и Бога», – можно считать программным³⁶.

Подлинность тайны мира, соединяющей человека с Иным, мистически открылась для Бердяева в образе Богочеловека-Христа. В философском же плане – через Соловьева и еще более через Достоевского – писателя, который, как и Бердяев, был метафизически уязвлен проблемой зла и греха, бушующих в мире и человеке³⁷. Для Бердяева, выбравшего путь метафизика-идеалиста³⁸, работа теперь состояла не в распутывании онтологического и гносеологического места трансцендентального субъекта или уяснении соотношений субъективного, объективного и абсолютного духа в различных изводах гегельянства и, как может показаться, не в иррационалистическом «бунте» против логических противоречий кантовского трансцендентализма и гегелевского панлогизма. Его задача теперь состояла в том, чтобы показать саму возможность присутствия в жизни человека и в мыслительной практике Субъекта Абсолютного Духа, действующего и наполняющего энергией духа конкретного исторически существующего субъекта – личность³⁹.

Чтобы представить этот в философском смысле действительно новый тип духовно-энергичной диалектики Божественного и человеческого, Бердяев выявляет не логические, а внелогические противоречия, связанные с иррациональным началом свободы, постоянно прорывающейся в историю и жизнь человека. Он своеобразно и вольно пересобирает элементы различных идеалистических метафизик, заимствует из них как идеи, так и понятийный аппарат, производя при этом радикальную перекоммутацию смыслов. Понятийно-конструктивной основой его философских построений остается немецкий идеализм и в целом традиция европейской мысли, в которую он вплетает мистический элемент⁴⁰. В основание своей метафизики Бердяев помещает образ-понятие добытийной свободы – *Ungrund*⁴¹, трактует дух как реальность Божественной свободы и творчества, наделяющий человека бытием и субъектностью, и определяет модус своей мысли как экзистенциальный через идеал Богочеловека. Важно подчеркнуть, что Бердяев называет себя свободным религиозным философом – теософом⁴², в центре своей метафизики помещая не философему, а *мифологему Христа* – живого Бога⁴³, встреча с которым для человека есть момент его экзистенции в переживании эсхатологического конца жизни, истории, мира.

Стратегия формулирования альтернативной метафизики Бердяева очевидна – трансцендентального субъекта Канта и абсолютный дух Гегеля он замещает образом Христа, говоря о нем как об *абсолютном субъекте духа*.

³⁶ Там же.

³⁷ Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 58–59.

³⁸ Бердяев Н. Борьба за идеализм // Мир Божий. 1901. № 6. С. 12.

³⁹ Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 313.

⁴⁰ О мистическом познании и философии в противоположность магическому Бердяев говорит в «Философии свободы», отстаивая права христианской метафизики: Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. С. 13. См. также: Карпенко Е.К. Мистическая онтология и социальный утопизм в «Философии свободы» Н. Бердяева // Н.А. Бердяев и единство европейского духа. М., 2007. С. 120–131.

⁴¹ Бердяев Н.А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности. С. 379.

⁴² Бердяев Н.А. Самопознание. С. 175.

⁴³ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. С. 61.

Другими словами, великую традицию философии субъекта и философии духа он преобразует фигурой универсального духовного субъекта, или *личностного абсолютного выражения* универсального трансцендентального субъекта, в котором непогрешимым образом в конкретности человеческого облика дан Божественный Дух. Христос, воплощающий единство Божественного и человеческого, открывает для каждого человека дверь в эту онтологию свободы-духа. Она возможна для Бердяева только как спасение творчеством, ибо только в творчестве дух проявляет себя как свобода, как энергия любви Бога. Антиномия Бога и Свободы, Бога и человека – не логического порядка. Эти и другие антиномические конструкции составляют философскую и, соответственно, «лингвистическую базу» концепции духа и творчества Бердяева. Они находятся в функциональном и смысловом родстве с прямым мифологическим высказыванием о Христе. Стоит даже говорить о символической мифологизации Христа на уровне философского языка, который также у Бердяева есть момент символизации вечной истории духа. В самой фигуре Христа антиномичность божественного и человеческого не снимается и служит для философа высшим выражением антиномичности и трагичности человеческого существования. В каждом человеке Бердяев видит трагедию распятого Христа, которая показывает путь встречи Бога и человека в тайне искупления, преобразования и спасения⁴⁴.

Философия Бердяева как «квантовый скачок»

Творческий поиск Бердяева в наиболее яркой интеллектуальной форме показывает процесс перехода от классической к неклассической парадигме философствования XX в. В случае Бердяева и в образном, и в смысловом отношении верна будет параллель, описывающая переход от механистической картины мира к квантово-полевой, от классической механики к квантовой, утверждающей дискретность энергетических значений атомов и молекул, обнаруживающей их в определенном энергетическом состоянии. Иными словами, в статическую картину мира Бердяев вводит позицию наблюдателя как элемент самоорганизующейся системы, выявляя ее динамический и энергетический потенциал. *Философия свободы*, которую, по собственному определению Бердяева, он писал всю жизнь, «стараясь ее усовершенствовать и дополнить»⁴⁵, есть выход за пределы субъектно-объектной парадигмы и преодоление каузальности классических онтологий через введение позиции существующего (человека, индивида, личности, субъекта творчества) как участвующего в бытии и сопричастного ему своим внутренним опытом – диалектики Божественного и человеческого.

Этот «квантовый скачок» в другую реальность, строящуюся по законам духа, для Бердяева является *другой, новой* философией – альтернативной метафизикой, которая описывается не через объективированное понятие бытия, а через концепт действующего духа, который в терминологии самого Бердяева можно назвать духом свободы, или энергией творчества. В ней содржится все тот же посыл книги «Философия свободы», что философия

⁴⁴ Там же. С. 129.

⁴⁵ Бердяев Н.А. Самопознание. С. 56.

свободы – это философия свободных – тех, в ком эта свобода себя обнаруживает и реализует в форме свободного христианского гнозиса, в мистике и христианской метафизике. Бердяев, делающий в 1904 г. в письме к своей будущей жене признание, что «образчиком всякого бытия является мне “я”, которое “я” мистически познаю без раздвоения на субъект и объект»⁴⁶, изоморфен своему пониманию философии конца 1930-х и 1940-х. В «Истине и откровении» он настаивает на том, что такой тип интеллектуальной рефлексии «может быть только философией, внутренне основанной на религиозном, духовном опыте, не рационалистической философией, а экзистенциальной философией, признающей первичность духовного опыта»⁴⁷.

Как протагонист конфликтующая с антагонистами – старыми философскими системами, он отказывается от объективированной онтологии бытия и утверждает метафизику свободного духа через «примат свободы над бытием», «примат экзистенциального субъекта над объективированным миром», «дуализм, волюнтаризм, динамизм, творческий активизм, персонализм, антропологизм, философия духа»⁴⁸. Философия Бердяева строится на принципе тематической и духовно-личностной централизации вокруг развертывания идеи-интуиции свободы, что является признаком динамически развивающейся системы. Ядро его метафизической концепции представляет собой трехчленную структуру, порождающими идеальными смыслообразами которой выступают *свобода, творчество, дух*. Своего рода, квант-концепты (идеи-образы) свободы, творчества и духа, обмениваясь друг с другом мыслительным веществом (словесно-понятийными конструкциями) и духовной энергией (смысловым полем), являются структурными элементами его *метафилософии* свободного духа. Результирующий момент этой метафилософии определен самим мыслителем как целостная мировоззренческая система «эсхатологической метафизики»⁴⁹.

Каковы ее черты? Бердяев признает и специально подчеркивает парадоксальный характер своей системы, особый способ ее философского выражения – отрывочно-афористичный⁵⁰, альтернативный традиционным дискурсивным практикам. Эти парадоксы и противоречия он объясняет качеством метафизики как экзистенциальной, в виде религиозной метафизики конца – *эсхатологической*. Она привносит в философское знание новый «опыт гносеологического и метафизического истолкования конца мира, конца истории»⁵¹. Методом познания реальности здесь выступает открывающаяся в предзнании и интуитивном понимании истина. По словам Бердяева, он скорее *исходит* от истины, а *не приходит* к ней, подчеркивая, что истина не является плодом рациональных рассуждений и формальных интеллектуальных процедур, что говорит о нем как о философе не рационально-логического, а интуитивно-жизненного познания и отношения к миру, основанием которого выступает духовный опыт⁵².

К «эсхатологической метафизике» стягиваются все нити творчества Бердяева, убежденного в том, что философия есть переживание, рождающееся

⁴⁶ Письма молодого Бердяева. Публикация Д. Барас. С. 226–227.

⁴⁷ Бердяев Н.А. Истина и откровение. С. 6–7.

⁴⁸ Бердяев Н.А. Я и мир объектов. С. 240.

⁴⁹ Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. С. 164.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

в самоощущении божественной свободы – в действии духа⁵³. Внутреннее чувство личной свободы есть «персоналистически-анархическая тенденция» и сердцевина жизненного опыта Бердяева⁵⁴. Эта интуиция первична и лежит в начале всех умствований и теорий, в первичном внутреннем духовном откровении в духе явлен Христос-Богочеловек. Между Богом и человеком – падший объективированный мир, который должен быть преодолен творческим созиданием богочеловеческой духовности⁵⁵, как и на философском и богословском уровне преодолена «гносеологическая интерпретация падшести мира»⁵⁶.

Интеллектуальное оформление метафизики Бердяева, вариативно развивающейся мистически окрашенные идеи-интуиции свободы, творчества и духа, стоит рассматривать как динамическое развертывание – как открытую систему, самоорганизующуюся по законам творческого духа самого автора. Эта система достаточно герметична, знаменует рождение вселенной-личности, находящейся в состоянии божественного полета и экстаза⁵⁷. Как рожденная «сверхновая», она обладает большим энергетическим и смысловым потенциалом, выбрасывающим волновую энергию творчества вовне и предстающую в виде «корпускулы» текста – овеществленной энергии слова.

В этих интенциях мысли и опыта переживаний проявляется начало экзистенциальной, глубоко личностной, импульсивно-аффективной философии Бердяева, где религиозные интуиции стали смысловым ядром персоналистически и эсхатологически окрашенной метафизики, движимой особой духовной энергией – «страстью к свободе»⁵⁸. Превращая философские понятия в метафоры внутренних образов и интуиций, перетолковывая их с отрывом от классического дискурса, Бердяев привносит изменения в первоначальное содержание философских и богословских понятий «дух», «бытие», «субъект», «объект», «онтология», «познание», «свобода», связанных с программами идеализма и христианским учением. Радикально обновляются как идеи и философский тезаурус идеализма, так и тринитарная концепция. Наибольшей трансформации подвергается фигура Бога-Отца, всемогущество которого как Творца всего сущего Бердяев эссенциально и функционально ограничивает реальностью добытийной свободы *Ungrund'a*. Все это дает основание оценивать метафизику Бердяева как альтернативную и с точки зрения философской программы, и с точки зрения его соответствия единству Св. Писания и Св. Предания. При этом пафос защиты богочеловечности как идеала и пути спасения выдает в нем философа пророческого типа, проповедующего открывшуюся ему Истину.

Свойства своей философии Бердяев определяет через ряд понятийных конструктов – «философия свободного духа», «духовный реализм», «философия богочеловеческой духовности», «парадоксальная этика», «экзистенциальная метафизика», «экзистенциальная диалектика», «эсхатологическая метафизика». Общность указанных модусов философии Бердяева выявляется на онтологическом уровне и представляет собой парадоксальный принцип

⁵³ Бердяев Н.А. Самопознание. С. 56.

⁵⁴ Гайдено П.П. Анархический персонализм Н.А. Бердяева // Гайдено П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001. С. 314.

⁵⁵ Бердяев Н.А. Дух и реальность. С. 461.

⁵⁶ Бердяев Н.А. Самопознание. С. 297.

⁵⁷ Там же. С. 326.

⁵⁸ Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. С. 164.

бытийной взаимосвязи. Бердяев прямо указывает на то, что он мыслит «антиномиями, противоречиями, парадоксами, трагическими конфликтами»⁵⁹, поскольку парадокс для него в гносеологическом и экзистенциальном смысле является наиболее точным выражением структурной сложности бытия: «Делаю я это вследствие моего абсолютного убеждения в том, что лишь антиномически-парадоксальное мышление соответствует структуре мира и даже глубине бытия»⁶⁰.

Пытаясь осмыслить бытийную сложность жизни человека, Бердяев выявляет другие – более глубинные, по его мнению, начала и противоречия, составляющие структурную сложность взаимодействий человека, мира, Духовного Абсолюта. В интеллектуальных поисках XX в. он предстает как реформатор идеалистической философии духа, метафизическое ядро которой мыслитель определит через образ свободы, исходящей от Христа-Богочеловека. Бердяев признается, что «в такой радикальной форме этого, кажется, не делал ни один философ»⁶¹. Показательно, что в работах середины 1930-х гг. он фактически отказывается от онтологии, начинающейся с «объективированного» бытия, в пользу альтернативной пневматологической метафизики⁶². Под ней Бердяев понимает трансцендирующую философию духа⁶³, называя ее также философией существования. Все это дает нам основание трактовать развитие его метафизической концепции свободного духа, завершающейся созданием эсхатологической метафизики⁶⁴, как метатекст, демонстрирующий признаки открытой динамической структуры. Она организована по принципу сквозного развития исходных интуиций-тем (тем-озарений), представляющих собой первичное внутреннее духовное откровение, подвергаемое потом рационализации и дискурсивной литературно-философской разработке.

Начала пневматологической метафизики. Вместо заключения

Бердяев предъявляет свою философскую систему за пределами субъективного и объективного идеализма в виде третьего пути, называя его духовным реализмом⁶⁵. Радикальная перенастройка философской оптики, смещение ее в сторону «внутреннего видения», фиксирующего некоторые энергетические, духовные состояния ума и души, сводит онтологию Бердяева к бытийствующему субъекту, к его дискретному духовному (энергетическому) состоянию-существованию. На этом этапе происходит смысловая перекоммутация как известных систем идеализма, так и догматического богословия. На языке современной ему философии Бердяев называет свой проект эк-

⁵⁹ Бердяев Н.А. О христианском пессимизме и оптимизме. (По поводу письма протоиерея Сергея Четверикова) // Путь. 1935. № 46. С. 31.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Бердяев Н.А. Самопознание. С. 56.

⁶² Бердяев Н.А. Дух и реальность. С. 366.

⁶³ Фаритов В.Т. Пневматологические учения Н.А. Бердяева и С.Н. Булгакова: экстаз и кенозис // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 100.

⁶⁴ Порус В.Н. Н.А. Бердяев: эсхатология свободы // Николай Александрович Бердяев. М., 2013. С. 99.

⁶⁵ Бердяев Н.А. Дух и реальность. С. 461.

зистенциальной, или эсхатологической, метафизикой. По существу же это – альтернативная (неклассическая) пневматологическая метафизика, ставящая в центр не трансцендентального, а пневматологического (духовного) субъекта – Абсолютного субъекта духа или Богочеловека.

Во множестве самоопределений и определений творческого феномена Бердяева отметим как значительную трудность размыкание герменевтического круга: истолкование мыслителем своей философии всегда обладает характеристикой самоистолкования, в силу чего оказывается проявлением исходных онтологических структур самораскрытия. В своем опыте толкования исследователю требуется проникать в этот круг. Необходимо учитывать, что философский проект Бердяева выражает динамическое единство его духовного опыта, в силу чего его интеллектуально-речевое воплощение можно рассматривать как открытый метатекст, строящийся по принципу волнового развития ядерных идей-образов. Охарактеризованную нами альтернативную пневматологическую метафизику Бердяева еще предстоит осмыслить в другой исследовательской оптике – в «неклассической», энергийной системе координат. Этот путь преодоления герметичности философии Бердяева, как нам видится, снимет обвинения в его адрес как «несистемного» мыслителя-визионера и «демонстративной» личности, подчеркнув его философские открытия и их значимость в интеллектуальной культуре XX в.

Список литературы

- Антонов К.М. Идея «критики откровения» в философии религии и философской теологии в позднем творчестве Н.А. Бердяева // *Философия религии: аналитические исследования / Philosophy of Religion: Analytic Researches*. 2019. Т. 3. № 1. С. 57–78.
- Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991.
- Бердяев Н.А. Борьба за идеализм // *Мир Божий*. 1901. № 6. С. 1–26.
- Бердяев Н.А. Истина и откровение. Прологомены к критике откровения. СПб.: РХГИ, 1996.
- Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского // *Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 2*. М.: Искусство, 1994. С. 7–150.
- Бердяев Н.А. Мое философское миросозерцание // Н.А. Бердяев: pro et contra. Антология. Кн. I / Сост., вступ. ст. и примеч. А.А. Ермичева. СПб.: РХГИ, 1994. С. 21–27.
- Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность / Сост. и коммент. В.В. Сапова. М.: Канон+, 1999.
- Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // *Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря*. М.: Республика, 1995. С. 4–162.
- Бердяев Н.А. О христианском пессимизме и оптимизме. (По поводу письма протоиерея Сергея Четверикова) // *Путь*. 1935. № 46. С. 31–36.
- Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики: Творчество и объективация. Париж: YMCA-Press, 1947.
- Бердяев Н.А. Существует ли в православии свобода мысли и совести? // *Путь*. 1939. № 59. С. 46–54.
- Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994.
- Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989.
- Гайденок П.П. Анархический персонализм Николая Бердяева // *Гайденок П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века*. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 301–322.
- Евлампиев И.И. Абсолют как свобода: Н. Бердяев // *Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX–XX веках: в 2 т. Т. 1*. СПб.: Алтейя, 2000. С. 297–337.
- Жукова О.А. Творчество и религиозность в русской культуре. Философские исследования. М.: Согласие, 2022.

- Жукова О.А. Парадоксы религиозного сознания: Лев Толстой в философской критике Николая Бердяева // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 53–63.
- Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Т. 1. Ч. 2. Л.: Эго, 1991.
- Карпенко Е.К. Мистическая онтология и социальный утопизм в «Философии свободы» Н. Бердяева // Н.А. Бердяев и единство европейского духа / Под ред. В. Поруса. М.: ББИ, 2007. С. 120–131.
- Киселева М.С. «Я» и история в философии Николая Бердяева // Вопросы философии. 2021. № 11. С. 88–99.
- Левицкий С.А. Бердяев: пророк или еретик? // Н.А. Бердяев: pro et contra. Антология. Кн. I / Сост., вступ. ст. и примеч. А.А. Ермичева. СПб.: РХГИ, 1994. С. 618–639.
- Лосский Н.О. История русской философии. М.: Академический проект, 2011.
- Мотрошилова Н.В. Николай Бердяев: Философия жизни как философия духа и западная мысль XX века // Историко-философский ежегодник' 2001. М.: Наука, 2003. С. 249–263.
- Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: Политическая энциклопедия, 2023.
- Письма молодого Бердяева / Публ. Д. Барас // Память. Исторический сборник. 1979–1981. Вып. 4. С. 211–248.
- Письма Н.А. Бердяева к Э.Ф. Голлербаху // Минувшее: Исторический альманах. 1993. Вып. 14. С. 398–414.
- Порус В.Н. Н.А. Бердяев: эсхатология свободы // Николай Александрович Бердяев / Под ред. В.Н. Поруса. М.: РОССПЭН, 2013. С. 86–128.
- Пэттисон Дж. Эсхатология и онтология: Хайдеггер и Бердяев // Николай Александрович Бердяев / Под ред. В.Н. Поруса. М.: РОССПЭН, 2013. С. 405–424.
- Силантьева М.В. Экзистенциальная диалектика Н. Бердяева как метод современной философии. М.: Инженер, 2004.
- Фаритов В.Т. Пневматологические учения Н.А. Бердяева и С.Н. Булгакова: экстаз и кенозис // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 99–107.
- Bodea R.-O. Nikolai Berdyaev's Dialectics of Freedom: In Search for Spiritual Freedom // Open Theology. 2019. No. 5. P. 299–308.
- Marčenko T. Маргинал: нобелевское дело Н.А. Бердяева в архиве шведской академии // Revue des études slaves. 2016. T. 87. No. 3–4. P. 433–456.
- McKinlay B. Revelation in Nicolas Berdyaev's Religious Philosophy // Open Theology. 2017. No. 3. P. 117–133.
- McLachlan J. Mythology and freedom. Nicholas Berdyaev's uses Jacob Boehme's «unground» myth // Philosophy today. 1996. Vol. 40. No. 4. P. 474–485.
- Nucho F.N. Berdyaev's philosophy: The existential paradox of freedom and necessity. London: Gollancz, 1967.
- Seaver G. Nikolai Berdyaev: An Introduction to his Thought. London: J. Clarke, 1950.
- Slaatte H.A. Personality, spirit, and ethics: The ethics of Nicholas Berdyaev. New York: P. Lang, 1997.

Freedom, creativity, spirit: Nikolai Berdyaev's alternative metaphysics

Olga A. Zhukova

National Research University Higher School of Economics. 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: logoscultura@yandex.ru

The monothematic coherence of ideas and concepts is a unique feature of N.A. Berdyaev's philosophy. This peculiarity is provided by the constantly recurring and variably developing themes of freedom and creativity, manifested in the works of the pre-revolutionary period and received conceptual religious and philosophical development in the eschatological metaphysics of the spirit. The struggle for “metaphysical idealism” became his

main life's work, understood as an expression of creativity of the spirit – as a spiritual feat of personality. The problem of freedom as an ontological basis was raised radically by Berdyaev, which led to the transformation of the philosophical system of idealism. On the one hand, Berdyaev justifies the autonomy of the creative spirit of man; on the other hand, he interprets all the events of life in an eschatological perspective. All this makes his philosophical project paradoxical both in its theoretical positions and in the ways of their presentation and argumentation. From our point of view, the final formula of Berdyaev's religious philosophy, defined by the thinker as eschatological metaphysics, can justifiably be called an alternative to existing philosophical systems. The article raises the question of what Berdyaev brings to the history of metaphysics as well as what are the features of his idealism, which, despite all the subjective radicalization and all its theoretical contradictions, claims the integrity and consistency of the philosophical program.

Keywords: Berdyaev, spirit, creativity, freedom, metaphysics, idealism, eschatology, paradox, pneumatology

For citation: Zhukova, O. A. “Svoboda, tvorchestvo, dukh: al'ternativnaya metafizika N.A. Berdyaeva” [Freedom, creativity, spirit: Nikolai Berdyaev's alternative metaphysics], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2024, Vol. 17, No. 2, pp. 21–36. (In Russian)

References

- Antonov, K.M. “Ideja ‘kritiki otkrovenija’ v filosofii religii i filosofskoj teologii v pozdnem tvorchestve N.A. Berdjaeva” [The idea of ‘criticism of revelation’ in the philosophy of religion and philosophical theology in the late work of N.A. Berdyaev], *Filosofiya religii: analiticheskie issledovaniya / Philosophy of Religion: Analytic Researches*, 2019, Vol. 3, No. 1, pp. 57–78. (In Russian)
- Baras, D. (ed.) “Pis'ma mladogo Berdjaeva” [Letters of the young Berdyaev], *Pamjat'. Istoricheskij sbornik*, 1979–1981, Vol. 4, pp. 211–248. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. “Bor'ba za idealism” [The struggle for idealism], *Mir Bozhij*, 1901, No. 6, pp. 1–26. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. *Filosofija svobodnogo duha* [Philosophy of the free spirit]. Moscow: Respublika Publ., 1994. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. *Filosofija svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of freedom. The meaning of creativity]. Moscow: Pravda Publ., 1989. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. *Istina i otkrovenie. Prolegomeny k kritike otkrovenija* [Truth and revelation. Prolegomena to the criticism of Revelation]. St. Petersburg: RHGI Publ., 1996. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. “Mirosozercanie Dostoevskogo” [Dostoevsky's Worldview], in: N.A. Berdyaev, *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva* [Philosophy of creativity, culture and art], Vol. 2. Moscow: Iskusstvo Publ., 1994, pp. 7–150. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. “Moe filosofskoe mirosozercanie” [My philosophical worldview], *N.A. Berdyaev: pro et contra. An anthology*, Book I, ed. by A.A. Ermichev. St. Petersburg: RHGI Publ., 1994, pp. 21–27. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. *Novoe religioznoe soznanie i obshhestvennost'* [New religious consciousness and the public], ed. by V.V. Sapov. Moscow: Kanon+ Publ., 1999. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. *Opyt jeshatologicheskoy metafiziki: Tvorchestvo i ob'ektivacija* [The experience of Eschatological metaphysics: Creativity and Objectification]. Paris: YMCA-Press, 1947. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. “O hristianskom pessimizme i optimizme. (Po povodu pis'ma protoiereja Sergeja Chetverikova)” [About Christian pessimism and optimism. (Regarding the letter of Archpriest Sergei Chetverikov)], *Put'*, 1935, No. 46, pp. 31–36. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. “O rabstve i svobode cheloveka. Opyt personalisticheskoy filosofii” [On slavery and human freedom. The experience of personalistic philosophy], in: N.A. Berdyaev,

- Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya* [The Kingdom of the Spirit and the kingdom of Caesar]. Moscow: Republic Publ., 1995, pp. 4–162. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. *Samopoznanie. Opyt filosofskoj avtobiografii* [Self-knowledge. The experience of philosophical autobiography]. Moscow: Kniga Publ., 1991. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. “Sushhestvuet li v pravoslavii svoboda mysli i sovesti?” [Does freedom of thought and conscience exist in Orthodoxy?], *Put'*, 1939, No. 59, pp. 46–54. (In Russian)
- Bodea, R.-O. “Nikolai Berdyaev’s Dialectics of Freedom: In Search for Spiritual Freedom”, *Open Theology*, 2019, No. 5, pp. 299–308.
- Evlampiev, I.I. “Absolut kak svoboda: N. Berdjaev” [Absolute as freedom: N. Berdyaev], in: I.I. Evlampiev, *Istoriya russkoi metafiziki v XIX–XX vekakh* [The history of Russian metaphysics in the XIX–XX centuries], Vol. 1. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2000, pp. 297–337. (In Russian)
- Faritov, V.T. “Pnevmatologicheskie uchenija N.A. Berdjaeva i S.N. Bulgakova: jekstaz i kenosis” [The pneumatological teachings of N.A. Berdyaev and S.N. Bulgakov: ecstasy and kenosis], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, No. 452, pp. 99–107. (In Russian)
- Gaidenko, P.P. “Anarhicheskij personalizm Nikolaja Berdjaeva” [Anarchic personalism of Nikolai Berdyaev], in: P.P. Gaidenko, *Vladimir Solov'ev i filosofiya Serebryanogo veka* [Vladimir Solovyov and the philosophy of the Silver Age]. Moscow: Progress-Tradicija Publ., 2001, pp. 301–322. (In Russian)
- Karpenko, E.K. “Misticheskaja ontologija i social'nyj utopizm v ‘Filosofii svobody’ N. Berdjaeva” [Mystical ontology and Social Utopianism in N. Berdyaev’s Philosophy of Freedom], *N.A. Berdyaev i edinstvo evropejskogo dukha* [N.A. Berdyaev and the unity of the European spirit], ed. by V. Porus. Moscow: BBI Publ., 2007, pp. 120–131. (In Russian)
- Kiseleva, M.S. “‘Ja’ i istorija v filosofii Nikolaja Berdjaeva” [‘I’ and history in the philosophy of Nikolai Berdyaev], *Voprosy filosofii*, 2021, No. 11, pp. 88–99. (In Russian)
- Levitsky, S.A. “Berdjaev: prorok ili eretik?” [Berdyaev: a prophet or a heretic?], *N.A. Berdyaev: pro et contra. An anthology*, Book I, ed. by A.A. Ermichev. St. Petersburg: RHGI Publ., 1994, pp. 618–639. (In Russian)
- Lossky, N.O. *Istorija russkoj filosofii* [History of Russian philosophy]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2011. (In Russian)
- Marčenko, T. “Marginal: nobelevskoe delo N.A. Berdjaeva v arhive shvedskoj akademii” [Marginal: N.A. Berdyaev’s Nobel case in the archive of the Swedish Academy], *Revue des études slaves*, 2016, Vol. 87, No. 3–4, pp. 433–456. (In Russian)
- McKinlay, B. “Revelation in Nicolas Berdyaev’s Religious Philosophy”, *Open Theology*, 2017, No. 3, pp. 117–133.
- McLachlan, J. “Mythology and freedom. Nicholas Berdyaev’s uses Jacob Boehme’s ‘ungrund’ myth”, *Philosophy today*, 1996, Vol. 40, No. 4, pp. 474–485.
- Motroshilova, N.V. “Nikolaj Berdjaev: Filosofija zhizni kak filosofija duha i zapadnaja mysl' XX veka” [Nikolay Berdyaev: Philosophy of life as a philosophy of the spirit and Western thought of the twentieth century], *Istoriko-filosofskij ezhegodnik' 2001*. Moscow: Nauka Publ., 2003, pp. 249–263. (In Russian)
- Nucho, F.N. *Berdyaev’s philosophy: The existential paradox of freedom and necessity*. London: Gollancz, 1967.
- Pattison, J. “Jeshatologija i ontologija: Hajdegger i Berdjaev” [Eschatology and Ontology: Heidegger and Berdyaev], *Nikolai Alexandrovich Berdyaev*, ed. by V.N. Porus. Moscow: ROSSPEN Publ., 2013, pp. 405–424. (In Russian)
- “Pis'ma N.A. Berdjaeva k Je.F. Gollerbahu” [Letters of N.A. Berdyaev to E.F. Gollerbach], *Minushee: Istoricheskij al'manah*, 1993, Vol. 14, pp. 398–414. (In Russian)
- Porus, V.N. “N.A. Berdjaev: jeshatologija svobody” [N.A. Berdyaev: the eschatology of freedom], *Nikolai Alexandrovich Berdyaev*, ed. by V.N. Porus. Moscow: ROSSPEN Publ., 2013, pp. 86–128. (In Russian)
- Seaver, G. *Nikolas Berdyaev: An Introduction to his Thought*. London: J. Clarke, 1950.

- Shchedrin, T.G. (ed.) *Nikolaj Berdjaev: jepistoljarnyj razgovor. Arhivnye materialy* [Nikolai Berdyaev: an epistolary conversation. Archival materials]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2023. (In Russian)
- Silant'eva, M.V. *Jekzistencial'naja dialektika N. Berdjaeva kak metod sovremennoj filosofii* [N. Berdyaev's existential dialectics as a method of modern philosophy]. Moscow: Inzhener Publ., 2004. (In Russian)
- Slaatte, H.A. *Personality, spirit, and ethics: The ethics of Nicholas Berdyaev*. New York: P. Lang, 1997.
- Zenkovsky, V.V. *Istorija russoj filosofii* [History of Russian philosophy], Vol. 1, Pt. 2. Leningrad: Ego Publ., 1991. (In Russian)
- Zhukova, O.A. "Paradoksy religioznogo soznaniya: Lev Tolstoj v filosofskoj kritike Nikolaja Berdjaeva" [Paradoxes of religious consciousness: Leo Tolstoy in the philosophical criticism of Nikolai Berdyaev], *Voprosy filosofii*, 2021, No. 4, pp. 53–63. (In Russian)
- Zhukova, O.A. *Tvorchestvo i religioznost' v russoj kul'ture. Filosofskie issledovanija* [Creativity and religiosity in Russian culture. Philosophical research]. Moscow: Soglasie Publ., 2022. (In Russian)